

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля КОВАЛЬСКОГО Романа Яновича

От 12-го января 1944 года

КОВАЛЬСКИЙ Р.Я., 1915 года рождения, урож. гор. Августова, поляк, польский гражданин, по профессии столяр, жил в гор. Сохачеве и Варшаве, в апреле 1943 г. был мобилизован немцами в рабочий батальон "Бауляйтунг-2" в Красном Бору, Смоленского р-на. 26 сентября 1943 г. добровольно перешел на сторону Красной Армии.

Предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР. На поставленные вопросы показал:

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы были взяты в плен?

Ответ: На сторону Красной Армии я перешел добровольно 26 сентября 1943 года в районе Красного Бора. Прихода Красной Армии в Смоленск я ждал все время как избавления от немцев.

Вопрос: Непонятно, почему вы, сражавшись все время на стороне немцев, вдруг решили перейти на сторону Красной Армии?

Ответ: Я никогда не сражался за немцев и на территории Советского Союза оказался против собственного желания, по принуждению в качестве столяра немецкого рабочего батальона.

Вопрос: Расскажите подробнее обстоятельства вашей мобилизации в немецкую армию?

Ответ: Прежде чем ответить на этот вопрос я прошу разрешения кратко рассказать свою биографию.

Вопрос: Рассказывайте.

Ответ: Родился я 7 мая 1916 года в г. Сохачеве, Сувалкского уезда, Виленского воеводства (бывш. Польша). Отец мой Ян КУЯВСКИЙ являлся владельцем небольшой столярной мастерской и умер в 1936 году. Мать Екатерина КУЯВСКАЯ умерла в 1938 году.

Вопрос: Вы показали мне, что ваша фамилия КОВАЛЬСКИЙ, а не КУЯВСКИЙ?

Ответ: Моя настоящая фамилия КУЯВСКИЙ Роман Янович, переименовал я ее при немцах по причине, которую укажу ниже.

После смерти отца я работал в перешедшей ко мне по наследству столярной мастерской. В 1938 году меня призвали на действительную военную службу в польскую армию и направили рядовым в саперный батальон 18 стрелковой дивизии, расквартированный в гор. Ломже. Во время службы в саперном батальоне, меня застал в 1939 году немецко-польская война. Наша дивизия принимала участие в боях с немцами. Батальон, в котором я служил был разбит немцами под Высоко-Мазовецким. Уцелевшая небольшая группа солдат этого батальона начала отступать, скрываясь в олиглежащих лесах в надежде соединиться с какой-нибудь польской воинской частью. Но так как кругом все было уже занято немцами, то мы решили разойтись по домам. Я вместе с группой своих сослуживцев пробрался сначала в Варшаву, а потом в гор. Сохачев, где проживала по ул. Сташица дом № 4 моя семья, состоявшая из жены САВИНН, 1916 года рождения и детей Марии, 6 лет и Фели, 1 год.

Некоторое время в Сохачеве я занимался разными столярными работами, но так как заработки были небольшие и прокормить свою семью я был не в состоянии, то решил перебраться в гор. Варшаву.

В Варшаву я переехал в конце 1940 года. Одно время занимался поденными работами по столярной части, а потом работал столяром на столярной фабрике по Вольской ул. дом № 44, принадлежащей КОВАЛЬЧИКУ.

На фабрике КОВАЛЬЧИКА я проработал до февраля 1942 года, а потом решил уехать из Варшавы к помещице ВАРДЗИКОВСКОЙ в, имение Сташин, Гарволинского уезда, Люблинского воеводства.

Вопрос: В связи с чем?

Ответ: Причиной моего отъезда из Варшавы была низкая оплата труда, с одной стороны, а с другой - издевательства и преследования, которым подвергались со стороны немцев все поляки. Дело в том, что в связи с оккупацией, жизнь в Варшаве представляла весьма мрачную картину. Половина города была уничтожена в результате немецких бомбежек. Все польское население выселено из лучших квартир. Лучшая часть города занята немцами и фольксдойче. Промышленность Варшавы да и всей Польши пришла в полный упадок. Люди ходят в каких-то отрепьях, опустившиеся и постаревшие. Все общественные места для поляков закрыты, всюду вывески: "Вход только немцам". Тоже в трамваях, поездах и театрах. За малейшее нарушение этих правил вас изобьют или направят в гестаповский застенок, откуда выходят немногие. Я знаю многих арестованных гестапо, но возвратились из них только единицы. Немцы уничтожают польское население и другими способами. Весь цвет польской интеллигенции заключен в лагеря. Почти весь профессорско-преподавательский состав старейших Варшавского и Краковского университетов находится в лагерях, где умирают голодной смертью. Университеты закрыты. Средние учебные заведения тоже на 3/4 закрыты. В большинстве школ обучение детей происходит на немецком языке. Все население ходит под вечной угрозой ареста. Почти ежедневно в польских кварталах проводят обыски и облавы. Но самое страшное в современной Польше - это ничем не обоснованные массовые расстрелы невинных людей, жертвой которых я чуть не стал сам. Только желанием истребить всех поляков я могу объяснить это.

Вопрос: Расскажите об этом подробно.

Ответ: Как я показывал выше, в феврале 1942 года я устроился на работу в имение Сташин. Вместе со мной работал еще один столяр по фамилии ФЛЕНД Михаил, лет около 33. Сюда же в Сташин я перевез свою семью. В конце 1942 года в народе стали ходить слухи, что всех, кого немцы берут с семьями якобы для переселения в новые места, попросту ими расстреливают. В одну из по-

чей ко мне на квартиру явились кан্দары и сказали, что я с семьей переселяюсь на станцию Жичин. Когда нас ночью привезли под конвоем на вокзал, там оказалось уже много поляков, также находившихся под конвоем немцев. Стало ясно, что везут нас не на работу, а для истребления. Я решил бежать. Посоветовавшись с женой решили, что кому-либо из нас надо рисковать, причем жена советовала мне это сделать, как мужчине, рассчитывая на то, что ее, как женщину, и детей немцы не тронут.

Я попрощался с семьей и в удобный момент выпрыгнул из поезда. Конвоирами было сделано несколько выстрелов, но благодаря тому, что около дороги был лес, мне удалось скрыться.

Вопрос: Что произошло с вашей семьей?

Ответ: Я твердо уверен, что мою жену и малолетних детей вместе с семьями других поляков немцы расстреляли, так как несмотря на все принятые мною меры, найти их я не мог. После этого, не желая подвергаться риску, быть пойманным, я решил пробраться в Варшаву, где все же было легче укрыться.

Вопрос: Где вы скрывались после бегства из под расстрела?

Ответ: После моего бегства я первое время скрывался в лесу вблизи имения Сташин, надеясь, что немцы освободят мою жену и детей. Снабжал меня процовольственным упомянутый мной више столяр ФЛЕНД. Вскоре наступили холода, оставаться в лесу было невозможно и надо было куда-то уходить, но так как прожить по своим старым документам я не рискнул, то ФЛЕНД при помощи ВАРДЗИКОВСКОЙ достал для меня поддельные метрику и опознавательную карту (вроде паспорта) на имя КОВАЛЬСКОГО Романа Яновича, 1915 года рождения, уроженца гор. Августова.

С этими документами я перебрался в гор. Варшаву и поступил работать в столярную мастерскую РУДНИЦКОГО, находящуюся по Пегляной ул. дом № 5. Проживал я этот период без прописки по Броварной ул. в доме № 16 у одной вдовы.

В этой мастерской мне удалось проработать только до начала апреля 1943 года.

Вопрос: Почему?

Ответ: 5 апреля 1943 года утром я шел на работу в мастерскую РУДНИЦКОГО. По дороге меня задержал жандарм, проверил документы и спросил, работаю ли я в немецком предприятии или частном. Я ответил, что работаю в частной мастерской. После этого жандарм забрал все мои документы и отвел на биржу труда, где меня закрыли в камеру, в которой находилось еще несколько поляков. В этой камере нас продержали три дня, а потом под конвоем немцев привезли в гор. Смоленск. Из Смоленска нас доставили в Красный Бор, где мы узнали, что зачислены в немецкий рабочий батальон "Бауляйтунг 2".

Вопрос: Что вы делали в этом рабочем батальоне?

Ответ: В рабочем батальоне вплоть до его эвакуации из Красного Бора 20 сентября 1943 года в связи с наступлением Красной Армии я работал столяром. Перед эвакуацией я из батальона дезертировал и скрывался в близлежащем к Красному Бору лесу.

Вопрос: Каким образом и при помощи кого вы осуществили свое намерение?

Ответ: Рабочий батальон состоял преимущественно из поляков, мобилизованных немцами в Польше таким же путем, как и я. Нас было всего около 150 человек. Все были враждебно настроены к немцам и некоторые высказывали желание дезертировать из рабочего батальона и перейти к русским. 20 сентября 1943 года, когда поступило распоряжение эвакуировать личный состав батальона (все имущество батальона было вывезено раньше), я предложил работавшему в этом же батальоне поляку ПОТКАНСКОМУ Эдуарду дезертировать вместе со мной и скрыться до прихода Красной Армии где-нибудь вблизи Красного Бора. ПОТКАНСКИЙ согласился и мы с ним ушли в лес, вырыли небольшой окоп, в котором просидели до 26 сентября 1943 года, т.е. до вступления Красной Армии. Увидя проходившие части Красной Армии, мы вышли на шоссе и сдались советскому командованию.

Нужно отметить, что наше пребывание в батальоне было не менее кошмарным, чем в Польше. Находились мы на положении заключенных. Выходить за пределы Красного Бора почти не разрешалось.

Зуботчины и наказания были обычным делом. Несколько поляков из нашего батальона немцы расстреляли. Самое любопытное, что после всех издевательств, перенесенных нами, поляками, весной 1943 года немцы вдруг начали с нами заигрывать. Мы сразу решили, что, видимо, дела у них на фронтах стали значительно хуже.

Вопрос: В чем выразалось это заигрывание немцев с поляками?

Ответ: В Красный Бор я приехал 10 апреля 1943 года, буквально через несколько дней в немецкой, а позже в выходившей в Польше польской прессе, которой нас снабжали в большом количестве, немцы начали большую кампанию о том, что в Катинском лесу ими обнаружены могилы, якобы расстрелянных большевиками весной 1940 года польских офицеров. В газетах сообщалось, что всего было расстреляно, кажется, 12 тысяч человек. Через некоторое время на могилы начали организовывать экскурсии и немцы в первую очередь возили туда поляков, работавших в разных немецких учреждениях и воинских частях.

Вопрос: А вы были на катинских могилах?

Ответ: На катинских могилах я был дважды. Первый раз в начале мая 1943 г. немецкое командование рабочего батальона направило в Катинский лес на двух грузовых машинах, около 40 человек поляков, в том числе и меня. По прибытии на место нас построили в ряды и какая-то женщина выступила с речью на русском языке. В своей речи она сказала, что в катинских могилах похоронено более 12 тысяч польских офицеров, расстрелянных русскими весной 1940 года. После этого нас подвели к одной раскопанной могиле, в которой лежало очень много трупов. Часть трупов была сложена около могил на поверхности, видимо, для обозрения посетителями. На могилах во время этого посещения никакой работы не производилось. Недалеко от трупов валялись: очень много совершенно новых бумажных польских денег, воинские книжки, письма, фотографии и другие мелкие вещи.

Через три-четыре недели немцы организовали экскурсии на катынские могилы для вновь прибывших в батальон из Польши поляков. Я как раз был свободен от работы и решил поехать вместе с ними на могилы еще один раз.

Вопрос: Что вы увидели при втором посещении катынских могил?

Ответ: При втором посещении я увидел три разрытых больших могилы, в которых лежали трупы. Из одной могилы часть трупов была вынута и, видимо, перенесена в находившуюся недалеко новую могилу. В третьей самой нижней могиле трупы лежали в воде. Количество бумажных денег, документов, писем и других мелких вещей стало еще больше. Особенно было много новых бумажных польских денег купюрами по 500, 100, 50, 20 и 5 злотых.

Вопрос: В каком состоянии были виденные вами трупы?

Ответ: Как при первом, так и при втором посещении все виденные мною трупы были хорошо сохранившимися. Кожа на лице и руках не имела никаких повреждений и только была темнокоричневого цвета. На голове сохранились волосы. Бывшее на трупах польское военное обмундирование сохранило свой темнозеленый цвет.

Состояние преобладающего большинства трупов и одежды говорили за то, что они пролежали в земле гораздо меньше трех лет. Особое внимание все посещавшие могилы поляки обратили на веревки, которыми у некоторых трупов были связаны руки.

Вопрос: Почему именно обращали внимание на веревки?

Ответ: Руки у некоторых трупов были связаны бумажными веревками, которые вырабатываются и широко применяются только в Германии. Работая в батальоне в Красном Бору, я часто видел эти веревки. Ими связывались разные поступающие к нам из Германии материалы.

Вопрос: Показывали ли вам немцы еще что-нибудь кроме катынских могил?

Ответ: При первом посещении могил я был еще на выставке вещей, якобы обнаруженных в катынских могилах.

На специально сделанных витринах там были выставлены для обозрения разные документы, фотокарточки, письма, знаки отличия, погонны. Висел также мундир полковника польской армии и кавалерийская фуражка с голубым окольшем. Все эти вещи также хорошо выглядели.

В связи с этим, немецким утверждениям о том, что польские офицеры расстреляны русскими, никто из поляков, находившихся в батальоне, не верил. Все поляки считали, что польских офицеров расстреляли сами немцы, а потом организовали эту провокацию с тем, чтобы рассорить русский и польский народы.

Это мнение подкреплялось всем виденным при осмотре могил и трупов, опровергавшим немецкие утверждения, что расстрелы произведены русскими в 1940 году.

Кроме того, поляки рассказывали еще о целом ряде фактов, полностью разоблачавших немецкую провокацию.

Вопрос: Каких именно?

Ответ: Многие из поляков, служивших вместе со мной в рабочем батальоне, обнаружили в опубликованных немцами списках польских офицеров, якобы расстрелянных русскими в Катынском лесу, фамилии своих знакомых, арестованных гестапо и отправленных в концентрационные лагеря в Германию.

В частности, со слов ГАЛЕЦКОГО, уроженца гор. Сохачева, мне известно, что он обнаружил в этих списках фамилию своего знакомого поручика, находившегося в германском плену. Перешедший вместе со мной на сторону Красной Армии ПОТКАНСКИЙ рассказывал, что жена его знакомого нашла в этих списках фамилию своего мужа поручика польской армии, арестованного в свое время немцами и содержавшегося в лагерях в Германии. Поляк, работавший шофером в рабочем батальоне, рассказал мне, что в списках убитых в Катини он нашел фамилию своего отца, бывшего майора польской армии, находившегося в германском плену.

Кроме того, от поляков, служивших в рабочем батальоне, я слышал, что весной 1943 года немцы откуда-то привозили в Катин-

ский лес расстрелянных ими польских офицеров. Поляки об этом узнали от местного населения.

Все поляки в рабочем батальоне обвиняли в расстреле офицеров только немцев и часто вели об этом разговоры между собой. В отношении распространителей таких слухов немцы применяли репрессии.

Вопрос: В отношении кого именно немцами были применены репрессивные меры?

Ответ: В июле 1943 года гестапо были арестованы 7 человек поляков, служивших в рабочем батальоне, в числе коих были мои знакомые МЕТРИКА, ЛЕНАРЧИК, ХОЙНАЦКИЙ, ЕНДРУШАК. Их обвиняли в распространении слухов о том, что польские офицеры были расстреляны немцами. После того как ими были подписаны протоколы, в которых они заявляли, что считают русских убийцами польских офицеров они были освобождены и вернулись в рабочий батальон. Об этом мне говорил ЕНДРУШАК, который даже признался, что ему в гестапо дали задание сообщать, что говорят поляки по поводу катинских могил.

В июне 1943 года служивший в батальоне шофер поляк ЛЕПЯНКО, 22 лет был арестован гестапо за разговоры о том, что катинские могилы являются делом немецких рук. Вскоре мы узнали, что ЛЕПЯНКО был расстрелян.

Вопрос: Чем вы хотите дополнить свои показания?

Ответ: Дополнить свои показания ничем не имею.

Протокол прочитан на понятном мне русском языке, мои ответы записаны правильно, в чем и расписываюсь.

(КОВАЛЬСКИЙ)

ДОПРОСИЛ: СОТРУДНИК 2 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
Полковник Госбезопасности

(КОНДРАТИК)

*Верно: Нач. управления 2 Упр. НКГБ СССР
Полковник Госбезопасности
Мурлыкин*